



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>

UDC 327

LBC 6/8-66-66.4-66.4(0),3



Submitted: 20.08.2021

Accepted: 23.12.2021

SINO-TURKISH RELATIONS IN THE “NEW ERA”

Vladimir A. Avatkov

Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO),
Moscow, Russian Federation;
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Pavel A. Prilepsky

Federal Agency for Ethnic Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The main purpose of this article is to study the phenomenon of Sino-Turkish relations since 2013 (Xi Jinping came to power). China and Turkey represent different political models undergoing and offering the international community their options for changes in international politics. China, which considers itself as a real contender for international leadership, is facing with Turkey's sub-regional interests. Therefore, the study of changes in the foreign policy of this countries should be present not as a unit, but as sub-spheres with their subsequent analysis. *Methods and materials.* The authors use a combination of general theoretical and special methods, paying special attention to historical and political analysis. They are based on the analysis of periodicals, as well as on the use of books, articles and materials of domestic and foreign researchers. *Analysis.* The authors analyzed the current situation in several sub-spheres, showed their specific impact on bilateral relations, and studied how contradictions in the designated areas affected relations between China and Turkey. *Results.* The conclusion of the article is about the presence of characteristic problems and issues in each sphere of Sino-Turkish relations that determine the trajectory of Sino-Turkish relations.

Key words: China, Turkey, economy, One Belt One Road, Uighurs.

Citation. Avatkov V.A., Prilepsky P.A. Sino-Turkish Relations in the “New Era”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 186-197. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>

УДК 327

ББК 6/8-66-66.4-66.4(0),3

Дата поступления статьи: 20.08.2021

Дата принятия статьи: 23.12.2021

КИТАЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В «НОВУЮ ЭПОХУ»

Владимир Алексеевич Аватков

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
г. Москва, Российская Федерация;
Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Павел Александрович Прилепский

Федеральное агентство по делам национальностей Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Основной целью данной статьи является изучение феномена китайско-турецких отношений с 2013 г. (вступление Си Цзиньпина в должность Председателя КНР). Китай и Турция представляют собой разные политические модели, проходящие определенную трансформацию и предлагающие международному сообществу свои варианты перемен в международной политике. Китай, формирующий себя как реаль-

ный претендент на международное лидерство, сталкивается с субрегиональными интересами Турции. Поэтому изучение изменений во внешней политике двух государств необходимо представить не как единое целое, а через выделение подсфер с последующим их анализом. Авторы используют сочетание общетеоретических и специальных методов, уделяя особое внимание историческому и политическому анализу. Методы основаны на анализе периодических изданий, а также на использовании книг, статей и материалов исследователей, как отечественных, так и зарубежных, занимающихся данной проблемой. Авторы анализируют текущую ситуацию в нескольких выделенных подсферах, показывают их конкретное влияние на двухсторонние отношения, а также изучают, как противоречия в обозначенных сферах действуют на отношения в целом. *Результаты.* Выводом статьи стало заключение о наличии характерных проблем и вопросов в каждой сфере китайско-турецких отношений, которые определяют траекторию китайско-турецких отношений. *Вклад авторов.* В.А. Аватков проработал излагаемый в статье анализ перемен внешней политики Турции, скорректировал общий курс статьи. П.А. Прилепский проработал излагаемый в статье анализ перемен внешней политики КНР, внес значительный вклад в написание общего вывода статьи.

Ключевые слова: Китай, Турция, экономика, Один пояс, один путь, уйгуры.

Цитирование. Аватков В. А., Прилепский П. А. Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 186–197. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>

Введение. На современном этапе китайско-турецкие отношения имеют сложную структуру. Их взаимоотношение определяется несколькими факторами, среди которых изменения ролей двух стран в постбиполярной системе международных отношений и идейно-экономическая конкуренция в сопредельных регионах. Поэтому китайско-турецкие отношения необходимо рассматривать «индуктивно», анализируя отдельные плоскости взаимоотношений, далее переходя к общей характеристике. Под такими плоскостями рассматриваются изменения во внешней политике двух стран, политические и экономические отношения, в том числе и инициатива «Один пояс, один путь».

Методы и материалы. Данное исследование строится на анализе работ отечественных экспертов, рассматривающих основы внешних политик КНР и Турции; китайских и турецких экспертов, разбирающих внешние политики государств, экономическое сотрудничество, а также идейный фактор; экономического взаимодействия; материалов китайских и турецких СМИ на темы, посвященные китайско-турецким отношениям.

Для анализа изменений китайской внешней политики ключевыми источниками стали работы отечественных экспертов, таких как А.Д. Воскресенский, О.Н. Борох, А.В. Виноградов, Ю.М. Галенович, В.Б. Кашин [3], И.Е. Денисова [4], Г.А. Жигарьков [7], М.В. Казанин [9; 10], А.В. Ломанов [12], С.Г. Лузянин [13], А.А. Маслов [14], К.К. Мерку-

лов [15], А.Ч. Мокрецкий [16], Е.Н. Румянцев [17], Е.И. Сафронова [18]; ряд источников на китайском языке, таких как белые книги «Национальная оборона в новую эпоху» [21] и «Китай в новую эпоху и мир» [22], опубликованные высказывания председателя КНР Си Цзиньпина [19]; китайских экспертов [6; 8; 51].

Для анализа изменений турецкой внешней политики ключевыми источниками стали работы отечественных исследователей, таких как: В.А. Аватков [1; 2], С.Б. Дружиловский [5], экспертов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова [24, с. 4–5], турецких экспертов А. Атлы [35; 36], Ч. Унгёр [48], Э. Кейман [44], М. Аслан [34], Б. Мутлу [46], Х. Табак [47], С. Джолакоглу [37; 38], Я. Явуз [52], А. Давутоглу [39].

Использован значительный пул публикаций на китайском языке, посвященных двухсторонним отношениям [20–23; 25–32], а также на турецком [33; 41; 50] и английском языках [40; 43; 45].

Анализ. Для более глубокого понимания проблемы необходимо кратко рассмотреть изменения внешних политик стран. С 1978 г. ядро внешней политики КНР составлял принцип «держаться в тени, скрывая свои возможности». Постепенно оболочка данной концепции трансформировалась, ядро внешней политики начало меняться при Си Цзиньпине, что связано с переменами внутри Китая (экономическое выравнивание регионов страны,

обеспечение условий для роста внешней торговли) и за рубежом (меняющиеся условия в мировой политике [3] и рост напряжения в отношениях между США и КНР [13]). С 2012 г. КНР начинает выдвигать концепции, претендующие на субрегиональное и глобальное лидерство [16], ключевыми из них стали концепции инициатива «Один пояс, один путь» и «Сообщество единой судьбы». С 2015 г. используется понятие «дипломатия великой державы» [31], с 2016 г. – термин «самобытная» китайская дипломатия [7].

Идея инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) была озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году. Ввиду отсутствия деталей данных проектов, иностранные наблюдатели получили возможность для интерпретаций инициативы. Популярной стала идея, что ОПОП – возможность получить китайские инвестиции в собственную инфраструктуру. Подобная «вуаль неведения» позволила КНР успешно продвигать свои интересы за рубежом под предлогом экономического соразвития. Этому также способствовало то, что ряду стран действительно требовались новые стимулы экономического роста [14].

В 2015 г. был опубликован документ «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века”». В 2017 г. была предпринята попытка объединить ряд нововведений в связанную концепцию [16]. На XIX съезде КПК в октябре 2017 г. инициатива ОПОП была записана в Устав КПК и Доклад о работе ЦК КПК. Проект был связан с «великим возрождением китайской нации» и «Сообществом единой судьбы» [17]. В 2018 г. была опубликована книга «Си Цзиньпин рассуждает о Поясе и пути» [19], состоящая из 42 выступлений по ОПОП, датируемых с 2013 по 2018 год. Ключевая идея – развитие с помощью сопряжения стратегий государств через строительство инфраструктуры.

Китайские исследователи подчеркивали, что ОПОП сталкивается со значительным культурным, социальным, религиозным сопротивлением из-за различий культур и цивилизаций [12]. Они также указывают, что в дискурсе западных стран присутствует нарратив трактовки инициативы ОПОП как продвиже-

ние экономических интересов Китая [4], а также то, что инициатива ОПОП имеет и культурное изменение, которое дополняет экономическое [12].

Учитывая известную закрытость внешней политики КНР, одним из ключевых теоретических источников формирования внешнеполитического курса стоит рассматривать белую книгу «Современный Китай и мир», опубликованную в сентябре 2019 г. [22]. Структурно книга представляет собой перечисление достижений Китая за последние несколько десятилетий, констатирует проблематичность современного мироустройства, предлагая решение через формирование новой системы отношений между государствами. Новая система должна базироваться на институтах, показавших свою эффективность, таких как торговая либерализация и многосторонняя торговля. Она должна исключить гегемонизм, политику силы, «закон джунглей», «игру с нулевой суммой», включив принципы консультаций, совместных действий, взаимного выигрыша, равенства, справедливости и честности. При этом предлагается перейти к следующей системе международных отношений путем эволюции и сохранения некоторых институтов существующей системы (ООН, ВТО). В этом новом порядке Китай не собирается занимать роль гегемона, так как у Китая отсутствует «ген гегемонии».

В другой белой книге «Национальная оборона Китая в новую эпоху», выпущенной в июле 2019 г., также говорится о неустойчивости и конфликтном потенциале нынешней системы международных отношений [21]. В ней декларируется тезис «защиты китайских интересов за рубежом», что является продолжением роста уверенности во внешней политике КНР. Касательно китайско-турецких отношений указывается, что их цель – противостоять силам, что пытаются создать «Восточный Туркестан».

У обеих белых книг прослеживается определенный «бэкграунд», который лучше позволяет понять предложение «новой системы». Так, Фэн Юйцзюнь отмечает рост проблем и конфликтов в современном мире и прогнозирует дальнейшее комплексное ухудшение ситуации. Автор отмечает положительную и стабилизирующую роль Китая в теку-

шей системе, а также намерение КНР добиваться эволюции системы в направлении «более разумного порядка» [15].

Эволюция внешней политики Турецкой Республики. За период правления «Партии справедливости и развития» (ПСР) внешнюю политику Турции можно охарактеризовать как постоянно трансформирующуюся [2] ввиду неустойчивости постбиполярного мира, изменений собственного восприятия [1] и изначальных противоречий модели политического развития, выбранной К. Ататюрком [5].

У Турции нет открытого основополагающего документа по внешней политике, поэтому будут рассмотрены основные идеи, изложенные в открытых источниках. Одной из них является «стратегическая глубина» А. Давутоглу [39; 45], суть которой заключается в попытке вовлечь государства, входившие в состав Османской империи, в тесное взаимодействие с Турцией, то есть воссоздать в некой новой форме экономико-социальное пространство Оттоманской Порты.

Неоосманизм, который на современном этапе составляет важную часть внешней политики Турции, необходимо рассматривать как попытку трансформации национальной идентичности. У этой идеологии нет четких и определяющих рамок, она вбирает в себя элементы пантюркизма, исламизма, турецкого евразийства [2]. Важной глобальной идеей для внешней политики Турции является неоевразийство [38]. Отвергнув классическую теорию, турецкие мыслители переняли сам концепт – «историческое право» тюрок играть важнейшую роль на континенте. Другой из определяющих внешнеполитических идей для современной Турции является пантюркизм. Он берет свои корни в начале XIX в. и несет в себе цель объединения всех тюрок по этническому принципу.

Таким образом, в турецкой внешней политике объединены черты разных идей: пантюркизм, турецкая модель ислама и неоосманизм – каждая из которых предлагает для Турции свой путь к региональному лидерству [1] и трансформации системы международных отношений.

После попытки переворота в Турции в 2016 г. во внешней политике произошел ряд перемен. Во-первых, во время переворота

некоторые страны не выразили поддержки режиму Р. Эрдогана, поэтому одним из принципов новой внешней политики стала «взаимость» (политическое равнопризнание друг друга). Поскольку центр принятия решения сузился до окружения Р. Эрдогана, «взаимость» стала носить более личный характер [24]. Во-вторых, внешняя политика Турции стала более «проактивной» [42]. В-третьих, альянсы Турции стали более подвижны и гибки [47]. В-четвертых, сделан значительный упор на национальную оборону при сохранении акцента на субрегиональное лидерство.

Центральной проблемой китайско-турецких отношений остается уйгурский вопрос (в турецком варианте – уйгурских тюрок). В стенах турецкого медреса звучат призывы в поддержку уйгур [41], критикуется правительство КНР из-за положения уйгурских тюрок в Китае. В некоторых СМИ освещаются сюжеты, в которых китайские власти не заботятся о проживающих на территории КНР уйгурах и даже способствуют распространению ВИЧ среди них [40]. Указывается на тяжелое положение уйгурских тюрок в так называемых «китайских лагерях перевоспитания». В июне – июле 2015 г. в Турции прошел ряд антикитайских акций, организованных уйгурами, проживающими в Турции, и организацией «Серые Волки» – молодежного крыла ультраправой Партии националистического движения. Члены «Серых Волков» совершали нападения на китайские рестораны и туристов из Китая, сжигали флаги КНР [10]. В декабре 2019 г. и марте 2021 г. в Анкаре и Стамбуле уйгуры провели крупные митинги с требованием прекратить «геноцид» уйгур в КНР.

Официальные власти Турции после 2016 г. публично стараются избегать темы уйгур [48]. Единственное исключение стало достаточно показательным. В феврале 2019 г. представитель МИД Турции Х. Аксой заявил об усилении давления на уйгур со стороны властей Китая. Однако уже 2 июля 2019 г. во время визита Р. Эрдогана в КНР указал, что все этнические группы в Синьцзяне «живут счастливо» [23].

В экономических отношениях двух стран существует значительный дисбаланс. Согласно турецким официальным источникам за 2019 г. общий объем китайско-турецкой торговли достиг 21,08 млрд долл. США [49], за

2020 г. – 23,02 млрд. Согласно данным китайской стороны в 2019 г. объем двусторонней торговли достиг 20,8 млрд. Экспорт в Турцию составил 17,3 млрд, импорт – 3,49 млрд. Общие инвестиции Китая в Турцию достигли 1,75 млрд, в 2019 г. составили всего 12,96 млн, показав снижение на 90,6 % [30]. В 2020 г. объем двусторонней торговли вырос до 24,07 млрд, экспорт Китая достиг 20,35 млрд, продемонстрировав рост на 17,5 %, импорт из Турции составил 3,71 млрд, рост – 6,3 % [40].

В 2015 г. лидеры двух стран подписали меморандум о сопряжении ОПОП и «Срединного коридора» [20]. Нужно выделить сотрудничество между странами по линии перевозки товаров Сиань – Баку – Тбилиси – Карс – Стамбул – Прага [27], развитие транспортной инфраструктуры [28]. 25 сентября 2019 г. началось строительство электростанции Хунутлу, что станет крупнейшим китайским вложением в инфраструктурный проект в Турции. В 2014 г. между турецкой энергокомпанией EÜAŞ и китайской SNPTC было подписано соглашение на строительство атомной станции в Турции.

Среди турецких экспертов и официальных лиц распространено мнение об экономическо-культурной интерпретации ОПОП. Так, М. Бинарк указывает, что Турция видит себя в роли транспортного хаба в инициативе ОПОП [47]. Посол Турецкой Республики в Пекине Э. Онен в интервью китайской прессе отмечает экономический характер инициативы, подчеркивая особую роль турецкого «Срединного коридора» [29]. Даже выступающий против ОПОП А. Эркан рассматривает проект как «план Маршала» [52]. Некоторые другие авторы критикуют ОПОП лишь за то, что данный проект может пройти мимо Турции [50].

Турецкие эксперты из некоммерческого исследовательского фонда «SETA» считают основной проблемой китайско-турецких отношений нехватку инфраструктуры двухсторонних отношений (в широком смысле слова), подчеркивая, что все остальное – лишь отображение данной нехватки [11]. В вопросе торговли предлагается разработка новой стратегии, которая включала бы ликвидацию дисбаланса в китайско-турецкой торговле. Касаясь уйгурской темы, в докладе упомянуто, что она должна перестать быть проблемой дву-

сторонних отношений и должна быть исключена из списка стратегических угроз для КНР. Китай развивает мягкую силу, однако, учитывая постоянный негатив со стороны турецкого общества, ее вектор направлен, скорее, на преодоление синофобии, нежели чем на построение положительного образа, понятного турецкому массовому сознанию. Авторы доклада, говоря об инициативе ОПОП, считают нужным наполнить ее политическим, социальным и культурным содержанием.

В рекомендациях для турецкой внешней политики относительно КНР [36] от турецкого эксперта А. Атлы дается ряд предложений. Первое – привлечь прямые инвестиции КНР в Турецкую Республику, причем основной целью являются китайские технологии. Второе – начать экономическую кооперацию с Китаем на Ближнем Востоке после завершения конфликта в Сирии. Третье – сотрудничество в военной индустрии и фокусировка на технологическом трансфере в Турцию. Четвертое – использовать уйгурскую общину, проживающую в Турции, для улучшения китайско-турецких отношений, в которых Турция готова предоставить свою модель ислама для мусульман, проживающих в Китае. Пятое – играть проактивную роль в инициативе «Один пояс, один путь», рассматривая, как Китай и Турция могут совместно реализовывать проекты. Шестое – учредить Китайский координационный совет. Седьмое – наполнить внешнюю политику Турции по отношению к Китаю самостоятельным смыслом. Ключевая мысль эксперта – Китай не должен быть просто «альтернативой Запада».

В положениях А. Атлы преобладает экономическая интерпретация инициативы «Пояса и пути» и китайско-турецких отношений. Он также предлагает искать больше политических и социальных смыслов в отношениях с Китаем. В другой своей работе А. Атлы говорит о необходимости выправления баланса торговли путем выявления Турцией товаров, которые та может поставлять в Китай [35].

На сайте Министерства коммерции КНР в официальной справке о двусторонних отношениях указано, что два государства пострадали от действий так называемых «трех зол» и рассматривают их как общую угрозу. Китайские эксперты Чжан Шуай и Цзань Тао

отмечают ухудшение ситуации в турецкой экономике за последние несколько лет и делают вывод о «положительном влиянии» инициативы ОПОП на нее [26]. Ван Цзинь сообщает, что после попытки переворота Турция изменила свою политику к КНР в сторону более гибкой [51]. Касаясь уйгурского вопроса Ли Дагуан отметил возможность антитеррористического сотрудничества с Турцией [8]. Разбирая кейс с задержанием уйгуров в Таиланде в 2014 г., он занимает достаточно жесткую позицию по данному вопросу, доходя до обвинений Турции в содействии группировке «Исламское государство»¹. Некоторые другие китайские аналитики, рассматривая эту ситуацию, также связывают Анкару с деятельностью «Исламского государства» [9]. Шен Жуй констатирует то, что исторический (древний) «Шелковый путь» начинался в Китае и заканчивался в Турции, и именно данный аспект стал основным для обновления хороших отношений между странами. Отмечается необходимость сотрудничества между странами в вопросе нетрадиционных угроз, против уйгурского терроризма. В экономическом сотрудничестве выделяется выгодное положение Турецкой Республики. Факторами, препятствующими развитию отношений, названы неправильное понимание турками инициативы ОПОП, амбиции Турции к воссозданию Османской империи и дисбаланс в торговле [8].

Результаты. Разбор взаимоотношений двух держав с выделением нескольких областей упрощает анализ, не превращая его в истонченный черный ящик, что позволяет избежать неправильной интерпретации.

Турция стремится занять лидерскую позицию в своем субрегионе. Достигнув определенного предела во внешней политике, власти Турции пытаются найти новые формы международного сотрудничества в том числе и с Китаем. К началу 2021 г. Китай не стал основным направлением турецкой политики, хотя существует серьезный интерес [38].

Изменения внешней политики Китая связаны не только с общим ростом уверенности в своих силах, но и в личных амбициях председателя Си Цзиньпина. Китаю, желающему занять лидерские позиции в своей «новой системе» международных отношений, придется выстраивать отношения с Турцией.

В двух странах принятие решений идет от группы людей вокруг лидера, а не от институтов и бюрократии, что дает возможность форсировать сотрудничество, несмотря на ряд существенных противоречий. К ним, во-первых, относятся уйгурская проблема, которая особенно чувствительна для КНР из-за важности поддержания мифа истории успеха КПК и роли региона в ОПОП. Поэтому в Пекине учитывают риски, связанные с регионом, и возможную роль Турции в этом процессе [32]. Правительство Р. Эрдогана в настоящий момент не проводит «резких шагов» по отношению к Китаю, однако на уровне восприятия обычного человека в Турции антикитайские настроения достаточно велики. Во-вторых, фактор пантюркизма и политического ислама в турецкой внешней политике вносит существенное противоречие в китайско-турецкие отношения. В-третьих, разные исторические траектории политических моделей двух стран. Турция все более возвращает повестку домодерна, где ценности, принесенные К. Ататюрком, теряют свой политический вес, уступая место мифологизированной мощи Османской империи. Китай движется в сторону сильного государства, привычной для него исторической формой существования в ядре которого находится идеология китайского коммунизма. В-четвертых, дисбаланс торговли, который невозможно решить в экономических рамках. Его решение требует политической воли, в первую очередь от руководства КНР. Турецкие конкурентоспособные отрасли промышленности проигрывают своим китайским коллегам. Пекин, выстраивая экономические отношения со странами, где у Турции есть экономический интерес (государства бывшей Османской Империи, Центральная Азия, некоторые страны Африки), вряд ли всерьез готов поступиться своими интересами ради улучшения взаимоотношений с Турцией. Реализация китайских проектов ОПОП не смогла стать «локомотивом» развития в отношениях Китая и Турции, так как не получила масштабы в силу политических противоречий, а также из-за искаженного понимания турецкими политиками и экспертами инициативы ОПОП [48] и китайских интересов, а КНР – тюркской проблематики [25].

Отсутствие открытой конфронтации по уйгурскому и экономическому вопросам дает

право говорить, что два государства ищут взаимодействия. В постбиполярном мире поиск общих точек в двусторонних отношениях может дать двум странам шанс «перезагрузить» совместную историю и обеспечить места в «новой системе», которые будут устраивать оба государства. Этому сценарию препятствует неготовность различных политических сил в Китае и Турции жертвовать своими интересами.

Все вышеперечисленные проблемы мешают нормальному выстраиванию диалога между КНР и Турцией. Наличие политической воли в принятии решений могут дать временные подъемы во взаимоотношениях, но постепенно имеющиеся противоречия будут откатывать их назад. Текущий баланс является некоторым компромиссом между открытой конкуренцией и партнерскими отношениями, что дает возможность поиска решений глубинных противоречий, чтобы далее перейти к более масштабной двусторонней повестке.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков, В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции / В. А. Аватков // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – № 4. – С. 113–129. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>.
2. Аватков, В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции / В. А. Аватков // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
3. Воскресенский, А. Д. Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Ч. II : Торможение китайской экономики, торговая война с США, оценка возможностей стимулирования роста возможностей Китая / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. – 2019. – № 3. – С. 114–132.
4. Денисов, И. Е. Формула внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации / И. Е. Денисов, Д. Л. Адамова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 76–90.
5. Дружиловский, С. Б. О внутренних причинах политической нестабильности в Турецкой Республике / С. Б. Дружиловский // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2. – С. 15–21.
6. Дунту шили маньянь чжэн мохэй туэрци: [= Движение Восточного Туркестана очерняет Турцию]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://opinion.china.com.cn/opinion_85_119485.html (дата обращения: 17.05.2021). – Загл. с экрана.
7. Жигарьков, Г. А. «Мягкая сила» с китайской спецификой: конкуренция за общественное мнение / Г. А. Жигарьков // Международная жизнь. – 2018. – № 6. – С. 48–62.
8. И дай и лу чжаньлюэся чжунго туэрци гуаньси: [= Китайско-турецкие отношения в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // China academic journal. – 2015. – № 11. – С. 89–91.
9. Казанин, М. В. Китайские специалисты об участии Турции в сирийском конфликте / М. В. Казанин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=26837> (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.
10. Казанин, М. В. Китайско-турецкие отношения и уйгурский вопрос / М. В. Казанин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=25320> (дата обращения: 03.04.2021). – Загл. с экрана.
11. Ковалев, В. И. Обзор отчета SETAV, посвященного турецко-китайским отношениям. Ч. 11 / В. И. Ковалев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=34815> (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.
12. Ломанов, А. В. Стратегия культурного влияния Китая в проекте «Один пояс, один путь» / А. В. Ломанов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 52–63.
13. Лузянин, С. Г. США не удастся создать единый антикитайский фронт / С. Г. Лузянин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/26471> (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.
14. Маслов, А. А. Китай до сих пор не хочет конфронтации / А. А. Маслов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/722978> (дата обращения: 04.03.2021). – Загл. с экрана.
15. Меркулов, К. К. Эксперты КНР о некоторых актуальных вопросах формирования нового международного порядка / К. К. Меркулов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – М. : ИДВ РАН, 2018. – С. 253–265.
16. Мокрецкий, А. Ч. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина / А. Ч. Мокрецкий // Международная жизнь. – 2019. – № 3. – С. 29–48.
17. Румянцев, Е. Н. О концепции «Пояса и Пути» / Е. Н. Румянцев // 70 лет современному Ки-

тайскому государству. – М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2019. – С. 209–219.

18. Сафронова, Е. И. Проект «Один пояс, один путь» – комплексный фактор «мягкой силы» Китая / Е. И. Сафронова // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. – М. : ИДВ РАН, 2017. – С. 60–77.

19. Си цзиньпин тань и дай и лу чжуюо пянью цзешао: [= Си Цзиньпин говорит об инициативе «Один пояс, один путь», основные краткие темы]. – Электрон. текстовые дан – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-12/11/c_1123838560.htm (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

20. Си цзиньпин хуэйцзянь туэрци цзунтун цяньюш «И дай и лу» лянцзе бэйванлу: [= Си Цзиньпин встретился с турецким президентом, подписан меморандум о взаимопонимании в рамках инициативы «Один пояс, один путь»]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/xgcdn/77006.htm> (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.

21. Синьшидайдэ чжунго гофан: [= Национальная оборона в новую эпоху]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 03.05.2021). – Загл. с экрана.

22. Синьшидайдэ чжунго юй шицзе байпишу (цюаньвэнь): [= Белая книга: Китай в новую эпоху и мир. Полный текст]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1665426/1665426.htm> (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.

23. Сицзиньпин тун туэрци цзунтун айэрдоань цзюйсин хуэйтань: [= Си Цзиньпин и турецкий президент Эрдоган провели переговоры]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.qstheory.cn/yaowen/2019-07/02/c_1124701796.htm (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.

24. Современная Турция: тренды развития и значение для России / под ред. И. Я. Кобринской, Л. С. Вартазаровой, С. В. Уткина. – М. : ИМЭМО РАН, 2019. – 54 с.

25. 30 няньлай цзиньчжань пингу – цзюй гуаньян шицзю юй яньцзю чжугидэ пингу куанцзя: [= Оценка 30-летнему периоду развития – оценка, основанная на темах изучения и исследований]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/437575331_619333 (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.

26. Туэрци цзинцзи цяньюцзин чжаньван: [= Экономические перспективы Турции]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://bit.ly/3GwIwEX> (дата обращения: 21.05.2021). – Загл. с экрана.

27. Туэрци цзинцзи дуйцзе и дай и лу ваймэй: сычоу телу мэньсян чжун чэнчжэнь: [= Турция активно подключается к инициативе «Один пояс, один путь». Иностранные СМИ (турецкие): мечта о «Шелковом пути» наконец-то сбывается]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/202001/415955.html> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

28. Туэрци чжухуа дашии дай и лу лацзиньлэ туэрци хэ сычуаньдэ цзюйли: [= Посол Турции в Китае: «Один пояс, один путь» сблизил Турцию и Сычуань]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/201910/413296.html> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

29. Туэрци чжухуа дашитучжэн тунго лоши цзюйти сяньму чжичи «И дай и лу»: [= Турецкий посол в КНР: Турция оказывает помощь инициативе «Один пояс, один путь»]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/hwksl/61859.htm> (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.

30. Чжунго юй туэрци 2019 нянь шуанбянь цзинмао гайкуан: [= Ситуация в китайско-турецкой торговле за 2019 г.]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/202005/418170.html> (дата обращения: 02.06.2021). – Загл. с экрана.

31. Чжэнфу гунцзо баогао (цюаньвэнь): [= Доклад о итогах работы Правительства КНР, полный текст]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gov.cn/guowuyuan/2015-03/16/content_2835101.htm (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.

32. Щегловин, Ю. Б. О влиянии уйгурской проблемы на внешнюю политику Китая с учетом интересов России в Сирии / Ю. Б. Щегловин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=53311> (дата обращения: 02.06.2021). – Загл. с экрана.

33. Arpacık, C. Koronavirüsün kendilerini unutturduğunu düşünen Uygurlar: Çin kendi insanına bile kötü davranıyor; HIV'in Uygur bölgelerinde yayılmasını da devlet sağlamıştı: [= Уйгуры считают, что коронавирус заставил забыть их: Китай плохо относится даже к своим гражданам; Китай также обеспечил распространение ВИЧ в уйгурских регионах] / C. Arpacık. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3bmsNtG> (date of access: 04.04.2021). – Title from screen.

34. Aslan, M. SETA Security Radar Turkey's Geopolitical Landscape In 2020 / M. Aslan, B. Ozturk, R. Öncel. – İstanbul SETA, 2020. – 69 p.

35. Atli, A. Turkey's Relations with China and its Repercussions on Transatlantic Relations: The Turkish

Perspective / A. Atli. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3Bnso4H> (date of access: 12.06.2021). – Title from screen.

36. Atli, A. Turkey's Foreign Policy Towards China Analysis and Recommendations for Improvement / A. Atli. – Instambul : Boğaziçi University, Asian Studies Center, 2016. – 25 p.

37. Colakoğlu, S. The Rise of Eurasianism in Turkish Foreign Policy: Can Turkey Change its pro-Western Orientation? / S. Colakoğlu. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3byOHdb> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

38. Colakoğlu, S. Turkey-China Relations: From «Strategic Cooperation» to «Strategic Partnership»? / S. Colakoğlu. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3w40Y2J> (date of access: 04.06.2021). – Title from screen.

39. Davutoglu, A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy / A. Davutoglu. – Electronic text data. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

40. Foreign Trade Statistics, December 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3pUJC7p> (date of access: 02.06.2021). – Title from screen.

41. Giriş, H. Çin'le ilişkiler uğruna Uygur Türkleri feda edilmemeli: [= Уйгурские турки не должны стать жертвой ради отношений с Китаем] / H. Giriş. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3bvrCZ7> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

42. Haugom, L. Turkish foreign policy under Erdogan: A change in international orientation? / L. Haugom. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3BqtEUQ> (date of access: 03.04.2021). – Title from screen.

43. Imports and Exports by Country Region of Origin / Destination, 12.2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3nQLawW> (date of access: 12.04.2021). – Title from screen.

44. Keyman, E. Turkey's Strategic Choice: Flexible Alliances with an Enduring Transatlantic Anchor / E. Keyman, M. Gisclon. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3EAMiLw> (date of access: 21.05.2021). – Title from screen.

45. Murinson, A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy / A. Murinson // Mideast Security and Policy Studies. – 2006. – № 6. – P. 945–964.

46. Multu, B. Representation of the “Belt and Road Initiative” in Turkish mainstream newspapers / B. Multu, O. Goekce // Communication and the Public. – 2019. – Vol. 4 (4). – P. 291–304. – DOI: <https://doi.org/10.1177/2057047319895448>.

47. Tabak, H. Eurasian Politics and Society: Issues and Challenges / H. Tabak ; ed. by Ö. Tüfekçi, H. Tabak, E. Akilli. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 188 p.

48. Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order / eds.: E. Erşen, S. Köstem. – London : Routledge, 2019. – 212 p. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429023064>.

49. Turkey-People's Republic of China Economic and Trade Relations. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3pRbnhp> (date of access: 03.04.2021). – Title from screen.

50. Türkiye devre dışı. Çin'in çizdiği yeni ipek yolunda Türkiye yok: [= Отключенная Турция. Турции не нашлось места в китайском Шелковом пути]. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/31nesvz> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

51. Wang, J. After the Failed Coup: A New Dawn for China-Turkey Relations? / J. Wang. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3q8AAUP> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

52. Yavuz, Y. Çin'in İpek Yolu Projesi ikinci Marshall Yardımı mı: [= Является ли проект Шелкового пути Китая вторым «планом Маршалла»?] / Y. Yavuz. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/3nNpTnw> (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Avatkov V.A. Idejno-cennostnyj faktor vo vneshnej politike Turcii [Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2019, no. 4, pp. 113–129. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>.

2. Avatkov V.A. Neosmanizm. Bazovaja ideologema i geostrategija Turcii [Neo-Ottomanism. The Basic Ideology and Geostrategy of Turkey]. *Svobodnaja mysl'*, 2014, no. 3, pp. 71–78.

3. Voskresenskij A.D. Kruglyi stol «Perspektivy kitaiskih reform v izmenivshemsja mire». Ch. II: Tormozhenie kitaiskoj jekonomiki, trgovaja voyna s SShA, ocenka vozmozhnostei stimulirovanija rosta vozmozhnostei Kitaja [Round Table “Prospects for Chinese Reforms in a Changed World”. Part 2: The Slowdown of the Chinese Economy, the Trade War with the United States, the Assessment of Opportunities to Stimulate the Growth of Opportunities in China]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2019, no. 3, pp. 114–132.

4. Denisov I.E., Adamova D.L. Formula vneshnej politiki Si Czin'pina: osnovnye osobennosti i problemy interpretacii [The Formula of Xi Jinping's Foreign Policy: The Main Features and Problems of Interpretation]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2017, no. 22, pp. 76–90.

5. Druzhilovskij S.B. O vnutrennih prichinah politicheskoy nestabil'nosti v Tureckoj respublike [On the Internal Causes of Political Instability in the Republic of Turkey]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2016, no. 2, pp. 15-21.
6. *Dongtu shili wanyan zheng mohei tuerqi* [The East Turkestan Movement Denigrates Turkey]. URL: http://opinion.china.com.cn/opinion_85_119485.html (accessed 17 May 2021).
7. Zhigar'kov G.A. «Mjagkaja sila» s kitajskoj specifikoj: konkurencija za obshhestvennoe mnenie [“Soft Power” with Chinese Specifics: Competition for Public Opinion]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2018, no. 6, pp. 48-62.
8. Yi dai yi lu zhanlue xia zhongguo tuerqi guanxi [Sino-Turkish Relations Within the Framework of the “One Belt One Road” Initiative]. *China Academic Journal*, 2015, no. 11, pp. 89-91.
9. Kazanin M.V. *Kitajskie specialisty ob uchastii Turcii v sirijskom konflikte* [Chinese Experts on Turkey's Participation in the Syrian Conflict]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=26837> (accessed 4 April 2021).
10. Kazanin M.V. *Kitajsko-tureckie otnoshenija i ujgurskij vopros* [Sino-Turkish Relations and the Uyghur Issue]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25320> (accessed 3 April 2021).
11. Kovalev V.I. *Obzor otchjota SETAV, posvjashhennogo turecko-kitajskim otnoshenijam. Ch. 11* [Review of the SETAV Report on Turkish-Chinese Relations. Part 11]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=34815> (accessed 1 June 2021).
12. Lomanov A.V. Strategija kul'turnogo vlijanija Kitaja v proekte «Odin pojas, odin put'» [The Strategy of China's Cultural Influence in the “One Belt One Road” Project]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2017, no. 22, pp. 52-63.
13. Luzjanin S.G. *SShA ne udastsja sozdat' edinyj antikitajskij front* [The United States Will not be Able to Create a United Anti-Chinese Front]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26471> (accessed 4 April 2021).
14. Maslov A.A. *Kitaj do sih por ne hochet konfrontacii* [China Still Does not Want Confrontation]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/722978> (accessed 4 March 2021).
15. Merkulov K.K. Jeksperty KNR o nekotoryh aktual'nyh voprosah formirovanija novogo mezhdunarodnogo porjadka [Experts of the People's Republic of China on Some Topical Issues of the Formation of a New International Order]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity]. Moscow, IDV RAN, 2018, pp. 253-265.
16. Mokreckij A.Ch. Kitajskaja diplomatija v jepohu Si Czin'pina [Chinese Diplomacy in the Era of Xi Jinping]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2019, no. 3, pp. 29-48.
17. Rumjancev E.N. O koncepcii «Pojasa i Puti» [On the Concept “One Belt One Road”]. *70 let sovremennomu Kitajskomu gosudarstvu* [70 Years of the Modern Chinese State]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2019, pp. 209-219.
18. Safronova E.I. Proekt «Odin pojas, odin put'» – kompleksnyj faktor «mjagkoj sily» Kitaja [The “One Belt One Road” Project is a Complex Factor of China's “Soft Power”]. *Problemy i perspektivy realizacii iniciativy «Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti» v kontekste ShOS* [Problems and Prospects of the Implementation of the “Silk Road Economic Belt” Initiative in the Context of the SCO]. Moscow, IDV RAN, 2017, pp. 60-77.
19. *Xi Jinping tan yi dai yi lu zhuyao pianmu jieshao* [Xi Jinping Talks About the “One Belt One Road” Initiative, the Main Brief Topics]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-12/11/c_1123838560.htm (accessed 12 April 2021).
20. *Xi Jinping huijian tuerqi zongtong qianshu «yi dai yi lu» liangjie beiwanglu* [Xi Jinping Met with the Turkish President, Signed a Memorandum of Understanding Within the Framework of the “One Belt One Road” Initiative]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/xgcdn/77006.htm> (accessed 1 June 2021).
21. *Xinshidaide zhongguo guofang* [National Defense in a New Era]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (accessed 3 May 2021).
22. *Xinshidaide zhongguo yu shijie baipishu (quanwen)* [White Paper: China in a New Era and the World. Full Text]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1665426/1665426.htm> (accessed 2 February 2021).
23. *Xi Jinping tong tuerqi zongtong aierduoan juxing huitan* [Xi Jinping and Turkish President Erdogan Held Talks]. URL: http://www.qstheory.cn/yaowen/2019-07/02/c_1124701796.htm (accessed 4 April 2021).
24. Kobrinskaya I.Ya., Vartazarova L.S., Utkin S.V., eds. *Sovremennaja Turcija: trendy razvitija i znachenie dlja Rossii* [Modern Turkey: Development Trends and Significance for Russia]. Moscow, IMEMO RAN, 2019. 54 p.
25. *30 nianlai jinzhhan pinggu – jiyu guancha shijiao yu yanjiu zhutide pinggu kuangjia* [Assessment of the 30-Year Period of Development – An Assessment Based on the Topics of Study and Research]. URL: https://www.sohu.com/a/437575331_619333 (accessed 2 June 2021).
26. *Tuerqi jingji qianjing zhanwang* [Turkey's Economic Prospects]. URL: <https://bit.ly/3GwIwEX> (accessed 21 May 2021).

27. *Tuerqi jiji duijie yi dai yi lu waimei: sichou tielu mengxiang zhong chengzhen* [Turkey is Actively Joining the “One Belt One Road” Initiative. Foreign Media (Turkish): The Dream of the “Silk Road” is Finally Coming True]. URL: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/202001/415955.html> (accessed 12 April 2021).
28. *Tuerqi zhuhua dashi: yi dai yi lu lajinle tuerqi he sichuande juli* [Turkish Ambassador to China: “One Belt One Road” Brought Turkey and Sichuan Closer]. URL: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/201910/413296.html> (accessed 12 April 2021).
29. *Tuerqi zhuhua dashi: tu zheng tongguo luoshi juti xiangmu zhichi «yi dai yi lu»* [Turkish Ambassador to China: Turkey Provides Assistance to the “One Belt One Road” Initiative]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/hwksl/61859.htm> (accessed 1 June 2021).
30. *Zhongguo yu tuerqi 2019 nian shuangbian1 jingmao gaikuang* [The Situation in Sino-Turkish Trade in 2019]. URL: <http://www.ctc.mofcom.gov.cn/article/doublestate/202005/418170.html> (accessed 2 June 2021).
31. *Zhengfu gongzuo baogao (quanwen)* [Report on the Results of the Work of the Government of the People’s Republic of China, Full Text]. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2015-03/16/content_2835101.htm (accessed 4 April 2021).
32. Shheglovin Ju.B. *O vlijanii ujgurskoj problemy na vneshnjuju politiku Kitaja s uchetom interesov Rossii v Sirii* [On the Impact of the Uighur Problem on China’s Foreign Policy, Taking into Account Russia’s Interests in Syria]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=53311> (accessed 2 June 2021).
33. Arpacık C. *Koronavirüsün kendilerini unutturduğunu düşünen Uygurlar: Çin kendi insanına bile kötü davranıyor; HIV’in Uygur bölgelerinde yayılmasını da devlet sağlamıştı* [Uighurs Believe that the Coronavirus has Made Them Forget: China Treats Even Its Citizens Badly; China has Also Ensured the Spread of HIV in the Uighur Regions]. URL: <https://bit.ly/3bmsNtG> (accessed 4 April 2021).
34. Aslan M., Ozturk B., Öncel R. *SETA Security Radar Turkey’s Geopolitical Landscape In 2020*. Istanbul, SETA 2020. 69 p.
35. Atli A. *Turkey’s Relations with China and Its Repercussions on Transatlantic Relations: The Turkish Perspective*. URL: <https://bit.ly/3Bns04H> (accessed 12 June 2021).
36. Atli A. *Turkey’s Foreign Policy Towards China Analysis and Recommendations for Improvement*. Instambul, Boğaziçi University, Asian Studies Center, 2016. 25 p.
37. Colakoğlu S. *The Rise of Eurasianism in Turkish Foreign Policy: Can Turkey Change Its Pro-Western Orientation?* URL: <https://bit.ly/3byOHdb> (accessed 1 June 2021).
38. Colakoğlu S. *Turkey-China Relations: From «Strategic Cooperation» to «Strategic Partnership»?* URL: <https://bit.ly/3w40Y2J> (accessed 4 June 2021).
39. Davutoglu A. *Turkey’s Zero-Problems Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy> (accessed 1 June 2021).
40. *Foreign Trade Statistics, December 2020*. URL: <https://bit.ly/3pUJC7p> (accessed 2 June 2021).
41. Giriş H. *Çin’le ilişkiler uğruna Uygur Türkleri feda edilmemeli* [Uighur Turks Should not Become a Victim for the Sake of Relations with China]. URL: <https://bit.ly/3bvrCZ7> (accessed 1 June 2021).
42. Haugom L. *Turkish Foreign Policy Under Erdogan: A Change in International Orientation?* URL: <https://bit.ly/3BqtEUQ> (accessed 3 April 2021).
43. *Imports and Exports by Country Region of Origin / Destination, 12.2020*. URL: <https://bit.ly/3nQLawW> (accessed 12 April 2021).
44. Keyman E., Giscion M. *Turkey’s Strategic Choice: Flexible Alliances with an Enduring Transatlantic Anchor*. URL: <https://bit.ly/3EAMiLw> (accessed 21 May 2021).
45. Murinson A. *The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy. Mideast Security and Policy Studies*, 2006, no. 6, pp. 945-964.
46. Multu B., Goekce O. Representation of the “Belt and Road Initiative” in Turkish Mainstream Newspapers. *Communication and the Public*, 2019, vol. 4 (4), pp. 291-304. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057047319895448>.
47. Tabak H. *Eurasian Politics and Society: Issues and Challenges*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2017. 188 p.
48. Erşen E., Köstem S., eds. *Turkey’s Pivot to Eurasia. Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order*. London, Routledge, 2019. 212 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429023064>.
49. *Turkey-People’s Republic of China Economic and Trade Relations*. URL: <https://bit.ly/3pRbnhp> (accessed 3 April 2021).
50. *Türkiye devre dışı. Çin’in çizdiği yeni ipek yolunda Türkiye yok* [Disconnected Turkey. Turkey Has no Place in the Chinese Silk Road]. URL: <https://bit.ly/31nesvz> (accessed 1 June 2021).
51. Wang J. *After the Failed Coup: A New Dawn for China-Turkey Relations?* URL: <https://bit.ly/3q8AAUP> (accessed 1 June 2021).
52. Yavuz, Y. *Çin’in İpek Yolu Projesi ikinci Marshall Yardımı mı* [Is China’s Silk Road Project the Second “Marshall Plan”?]. URL: <https://bit.ly/3nNpTnw> (accessed 1 June 2021).

Information About the Authors

Vladimir A. Avatkov, Doctor of Sciences (Politics), Senior Researcher, Associate Professor, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Profsovnaya St, 23, 117997 Moscow, Russian Federation; Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ostozhenka St, 53/2, Bld. 1, 119021 Moscow, Russian Federation v.avatkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>

Pavel A. Prilepsky, Master Student, Adviser, Division for Monitoring of Interethnic and Interfaith Relations, Department for Monitoring of Interethnic and Interfaith Relations, Prevention of Extremism and Interaction with Religious Associations, Federal Agency for Ethnic Affairs of the Russian Federation, Presnenskaya Emb., 10, Bld. 2, 123112 Moscow, Russian Federation, pavelprilepsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2220-9094>

Информация об авторах

Владимир Алексеевич Аватков, доктор политических наук, старший научный сотрудник, доцент, Центр постсоветских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, 117997 г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1, 119021 г. Москва, Российская Федерация, v.avatkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>

Павел Александрович Прилепский, магистр, советник, отдел мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений Управления мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и взаимодействия с религиозными объединениями, Федеральное агентство по делам национальностей Российской Федерации, Пресненская наб., 10, стр. 2, 123112 г. Москва, Российская Федерация, pavelprilepsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2220-9094>